

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Антропонимия в настоящее время является активно разрабатываемым разделом ономастики. Учёные изучают имена собственные, выявляя их специфику, характеризую их. Среди антропонимов особый интерес представляют литературные антропонимы или поэтонимы. Этим разделом ономастики занимались многие лингвисты. Особый вклад в него внесли такие учёные, как В. Д. Бондалетов, С. И. Зинин, Ю. А. Карпенко, В. Н. Михайлов, А. А. Реформатский, Н. А. Петровский, А. М. Селищев, А. В. Суперанская, О. И. Фоякова, и др.

В 1872 году Достоевский закончил свой роман «Бесы», который ещё называется «Житие великого грешника». В настоящее время роман изучается с разных сторон – исторической, социальной, художественной, философской, что позволяет лучше понимать это произведение. Однако чаще изучаются другие романы Фёдора Михайловича, возможно именно потому, что «Житие великого грешника» было направлено против революционных течений. В филологии «Бесы» вызвали интерес у таких учёных литературоведов и лингвистов, занимающихся литературными антропонимами, как Л. И. Сараскина, Е. М. Мелитинский, Л. Гроссман, С. В. Белов, М. С. Альтман.

Целью данной статьи является исследование религиозной мотивировки номинаций главных и второстепенных персонажей в тексте романа «Бесы».

С. В. Белов в своей статье «Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского» отмечает, что «в библиотеке у Достоевского был такой календарь, в котором давался перевод на русский язык имён общепринятых святых, с раскрытием их буквального смысла. Писатель, наверное, часто заглядывал в этот календарь, давая символические имена своим героям» [2, 27]. В действительности при подробном изучении, как антропонимов главных героев, так и второстепенных можно заметить, что довольно часто прослеживается очевидное сходство между судьбой святого (либо апостола) и характером персонажа. Даже если конкретных совпадений с православными святыми нет, то всё равно очень сильную роль играет религиозная символика. Даже судя по названию рассматриваемого романа «Бесы», можно судить об очень важной роли православия в произведении.

Анализируя имена персонажей, не стоит делать чёткого разграничения между главными и второстепенными персонажами, потому что и те и другие могут носить в себе явные сходства со святыми либо иметь какой-то знак, указывающий на роль религии в наименовании героев.

Одним из примеров, доказывающих описанную выше точку зрения, является персонаж, который изначально должен был стать центральным персонажем романа Ф. М. Достоевского. **Верховный** «бес» романа с характерной фамилией **Верховенский** Петр Степанович. Достоевский очень чётко выделил его и в произведении, и в своих дневниках, как главного беса, но нам важно то, что религиозным протонимом можно назвать апостола Петра. Пётр Верховенский, который в начале романа восхищается Ставрогиним, в конце отрекается от него, что можно связать с тем, как апостол Пётр трижды отрёкся от своего учителя, поэтому имя можно назвать не случайным. Однако Пётр в романе не совсем точно повторяет судьбу апостола Петра. Апостол Пётр был вспыльчивым и живым, что можно отметить и в характере Верховенского. Но отрицательных черт у второго намного больше,

чем у первого. Персонаж называет сам себя «мошенником», подчёркивая свою отрицательную натуру. Именно он убивает выстрелом в голову студента Шатова, что намекает на то, как апостол Пётр взял в свои руки меч и отрубил ухо Малху. Оба они показывают свою вспыльчивую натуру. При этом следует отметить, что Пётр почитаемый христианский апостол, а Пётр Верховенский – это отрицательный персонаж романа Достоевского. Поэтому можно говорить только о роли христианских мотивов в именовании персонажей.

Девочка Матрёша появляется лишь в одной ненапечатанной главе романа, но она, по-видимому, является главной мученицей в «Бесах». Да, она далеко не центральный персонаж в романе, но её судьба пересекается с судьбой мученицы Матроны Солунской. Девочка Матрёша постоянно терпела боль, которую ей причиняла её мать. Мать часто избивала свою дочь, точно так же, как и Матрона Солунская была избита хозяйкой Павтилой. Так же, как и мученица, девочка выступает как невинное создание, которое пострадало от рук злых и порочно настроенных людей. Различие в том, что Матрона Солунская была зверски убита, а Матрёша сама лишила себя жизни после того, как медленно сошла с ума.

Нельзя не выделить и центрального героя романа – Николая Всеволодовича Ставрогина. Сам персонаж говорит о себе следующее: «Я, Николай Ставрогин, ... жил в Петербурге, предаваясь разврату, в котором не находил удовольствия» [3, 601]. «Великий грешник», распутник, которого С. В. Белов соотносит с самим Христом, потому как он возносится «на крест, добровольно выбравший распятие, чтобы испытать свою силу, и доказать себе, что он властен над своей судьбой» [2, 29]. С одной стороны, в конце фамилии, мы чётко можем наблюдать слово «*рог*», что относит его к бесам. С другой стороны фамилия Ставрогин имеет корень «*ставрос*», что в переводе с греческого означает ‘крест’. Соотносить его с Иисусом возможно не совсем правильно, однако роли их схожи. Сравнивать грешника и Христа, наверное, не очень правильно, не смотря на то, что Ставрогин является центральным героем романа и все остальные персонажи двигаются вокруг него. Различие в том, что сын божий несёт в себе свет, а Ставрогин – это безусловная чистейшая тьма. Однако, по сюжету романа герой проходит через искупления и первоначально отрекается от какого-либо исповедования религии. В ненапечатанной главе он показывает свою исповедь, и её он открывает не просто какому-нибудь другу, а Тихону, чистому человеку, который живёт в монастыре. Фамилия **Ставрогин** несёт в себе религиозный знак, но я считаю, что соотносить его со святыми нельзя, потому что он не повторяет ничью судьбу, он оригинален.

Лизавета Николаевна Тушина уже в имени имеет религиозную основу. Имя Елизавета в переводе с древнееврейского означает «*Бог мой – клятва*», «*почитающая Бога*». Сам персонаж довольно неоднозначен, так как имеет очень изменчивый характер. По словам исследователя М. С. Альтмана, её «нельзя причислить к юродивым, они, скорее, бесноватые или, по крайности, беснующиеся, а если определять их в терминах медицинских, то – нервноболезные и истерички» [1, 178]. В романе, несмотря на её светлую красоту, доброту, её тянет к тьме, к Ставрину. Достоевский определил ей роль мученицы.

В романе очень интересна личность Ивана Павловича Шатова. Дело в том, что для того, чтобы предпринять попытку соотнести этого литературного героя с каким-либо из святых, необходимо выяснить характер данного персонажа. Уже фамилия несёт в себе сему ‘неоднозначность’, ‘неопределённость’. По существу Шатов очень «шаткий» в своих идеалистических и моральных убеждениях, в своём отношении к происходящему вокруг него, в своём поведении. В тексте говорится о том, что у него что-то «шатается» в голове. Он

поначалу входил в общество нигилистов, затем решил его покинуть. Отношение к Ставрогину у него меняется: поначалу он обожал его, а затем он прилюдно ударил его по лицу. В связи с этим его трудно соотносить с православными святыми. Можно говорить о некотором сходстве с историей святого Иоанна Крестителя. Как и пророк, Шатов вёл довольно «аскетичный» образ жизни. Он не занимался самоуничтожением своего тела, он занимался самоуничтожением себя изнутри. Постоянное изнурение себя своими мыслями можно сопоставить с аскетизмом.

Ф. М. Достоевский очень тщательно подходил к проблеме выбора антропонима для номинации того или иного персонажа. Писатель очень часто использует имена святых или апостолов. Если автор называет своего персонажа, сознательно опираясь на имя существовавшего святого или апостола, то писатель частично вкладывает в него характеристики или некоторые моменты жизни прототипа. Так Пётр Верховенский отрекается от своего наставника, Матрёшу избивает её мать и т.д. Христианские мотивы наименований прослеживаются не только в отсылках на канонизированных святых, но и в семантике антропонимов, например *Ставрогин-ставрос-крест*. Можно сделать вывод, что Достоевский Ф. М. довольно часто опирался на христианство, давая имена своим персонажам.

Список использованной литературы

1. Альтман М. С. Достоевский Ф. М. По вехам имён / М. С. Альтман. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. – 280 с.
2. Белов С.В. Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского / С. В. Белов // Русская речь. – М. : 1976. - № 5 – с. 27-31.
3. Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трёх частях / Послесловие В. А. Туниманова. – Л.: Ленинздат, 1990. – 639 с.

Ірина Мазур

ОРФОГРАФІЧНІ ТА ПУНКТУАЦІЙНІ ПОМИЛКИ В ТЕКСТАХ ОДЕСЬКОЇ ДРУКОВАНОЇ РЕКЛАМИ

В останні десятиріччя у лінгвістиці спостерігається поживлення інтересу до проблем мовної культури засобів масової інформації (ЗМІ), що пов'язано зі зниженням рівня якості рекламної продукції. Незважаючи на те, що дослідженню цієї проблеми присвячена велика кількість мовознавчих праць, багато аспектів залишається поза увагою науковців. До таких аспектів передусім належить лексичний рівень рекламних текстів, тому що саме слова в рекламі мають найбільше семантичне навантаження.

Мета дослідження – розглянути мовностилістичні аспекти зовнішньої та друкованої реклами, проаналізувати помилки і неточності, що переважають в текстах рекламних оголошень м. Одеса, а також розробити багатоаспектну типологію мовних помилок шляхом виявлення та систематизації їх особливостей. Матеріалом для дослідження слугувала одеська україномовна та російськомовна реклама, загальна кількість 143 одиниці.

Наукове осмислення феномена помилки потребує інтеграції здобутків різних галузей наукового знання. У такий спосіб може бути заповнена прогалина між наявними дослідницькими парадигмами, що відчутно позначається на розумінні найважливіших